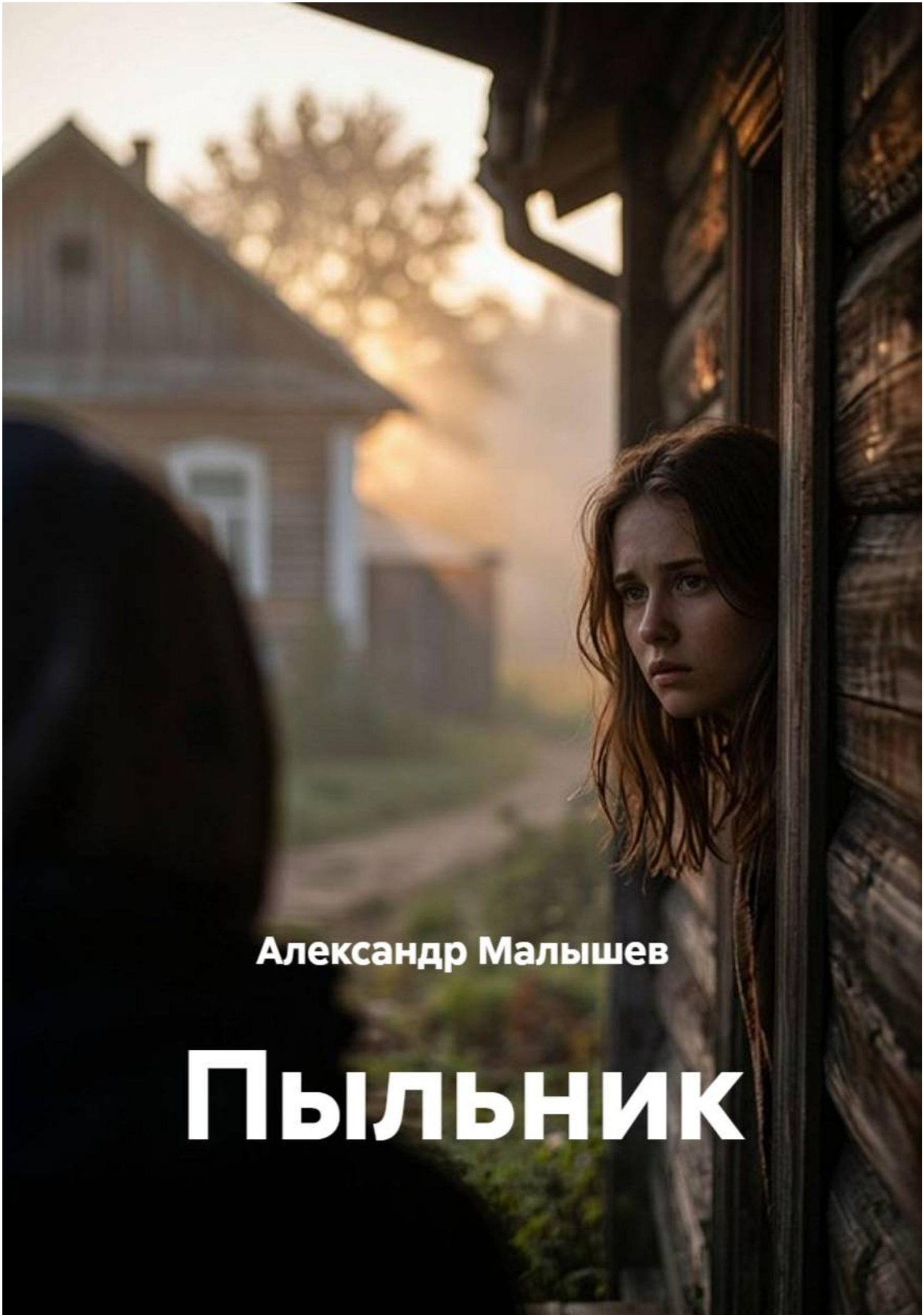

Александр Малышев

Пыльник

Александр Малышев

Пыльник

«Автор»
2026

Малышев А. С.

Пыльник / А. С. Малышев — «Автор», 2026

Она сбежала от офисного выгорания в деревню, а нашла своего монстра из детства. Десять лет назад Аглая слепила Пыльника из серой трухи. Теперь он пишет ей записки из старых журналов, спит в подполе и дружит с кошкой. Он невидим для всех, кроме неё. "Пыльник" — история о том, как деревенское фэнтези сталкивается с депрессией миллениала, а детская вера способна оживить даже обычную пыльную суть.

© Малышев А. С., 2026
© Автор, 2026

Александр Малышев
Пыльник

Глава 1 Деревня

Меня зовут Аглая. Мне двадцать, но когда всё это началось, мне было десять, и то лето я должна была провести у бабушки в деревне. Её мир всегда пах по-особенному: сладковатой гнилью опавших яблок, сухим сеном и чуть кислым молоком. У бабушки был скотный двор, и его население я на дух не переносила. Куры при моём появлении истерично разбегались, петух смотрел как на личного врага, а старый козёл однажды попытался съесть бант с моей косы. И только корова Мурка была от меня без ума. В моём старом кнопочном телефоне до сих пор хранятся десятки видео — целое досье: вот мы на лужайке, вот она шумно, выдёргивая из земли целые пучки травы, жуёт, а вот я стою, зажмурившись, пока её огромный, шершавый, как наждак, язык облизывает мне щёку, оставляя липкую, пахнущую молоком дорожку. Однажды она даже катала меня на спине — самое страшное и самое счастливое воспоминание того лета: мы медленно брели по полю, и её позвонки перекатывались подо мной.

Молоко она давала густое, с толстым слоем жёлтых сливок, которые прилипали к губам. Я честно пыталась её доить — занятие, скажу я вам, не из лёгких. Пальцы сводило, тёплое вымя пульсировало под руками, первые струи брызгали мимо жестяного ведра, но ради этого молока — и чтобы помочь бабушке — я терпела. Единственное, что я ненавидела в деревне до дрожи, — навоз. Однажды я наступила босой ногой в свежую, ещё тёплую коровью лепёшку. Этот чавкающий звук, жар и вонь навсегда отпечатались в памяти как квинтэссенция деревенского ада.

Но в тот день, когда всё началось, я сидела в бабушкиной комнате. Стояла полуденная жара, за окном гудели шмели, в доме пахло сушёными травами и нафталином. Бабушка дремала в кресле, её дыхание было тихим и свистящим. От скуки я провела пальцем по верхней полке серванта. Ещё раз. По другой полке — третий. На подушечке скопился идеальный серый пушистый комок. Пыль этого дома была особенной — она состояла из выцветших чернил старых писем, высохших крылышек моли и самой бабушки.

Я скатала эту пыль в плотный шарик, тёплый от моих пальцев. А потом, подчиняясь какому-то древнему детскому инстинкту, начала лепить. Скатала тельце, прищипнула голову, вытянула две тонкие, как сухие травинки, ножки. У него не было лица, только две тёмные точки — крупинки земли. Я поставила его на край лакированной полки. Он сидел там, смятый и нелепый, похожий на маленького идола. Я посмотрела на него, чувствуя себя создателем, и прошептала:

— Ну всё. Теперь ты Пыльник.

Тишину разорвал скрип старого паркета.

Бабушка проснулась и позвала меня на кухню. Я на секунду обернулась, чтобы ещё раз взглянуть на своего человечка, но тут же вскочила: в дверях комнаты стояли родители. Лица у них были непривычно строгие, а на заднем дворе уже урчала мотором машина.

— Собирайся, ГЛаШ. Мы забираем тебя в город.

Я смотрела на Пыльника, оставшегося на полке.

Мне было десять, и я не хотела уезжать от Мурки, от запаха сена, от своего маленького пыльного друга. Но взрослые не спрашивают. Мы просто вышли. Я видела, как бабушка стоит на крыльце, кутаясь в выцветший платок, и машет нам вслед сухой узловатой рукой. Так закончилось моё последнее лето детства. Ах да, я ведь не рассказала, почему меня тогда увезли. Родители развелись. Звучит резко, конечно, почти трагично, но в десять лет чужая трагедия ощущается иначе. Не знаю, оставил ли развод мне травму — пусть об этом думают аналитики постарше. Я знаю только одно: в тот день я повзрослела слишком рано. Пока мама собирала

мою зубную щётку, а отец курил на крыльце, глядя куда-то мимо нас, я поняла: детство — это просто комната, из которой тебя однажды выставляют за дверь.

С тех пор прошло десять лет. Мне двадцать. Я — офисный планктон, младший аналитик в компании, название которой выветривается из головы после двенадцатичасовой смены. Ирония в том, что мне даже нравится эта работа. Мне нравится хруст плотных папок, ровный свет люминесцентных ламп, то, как цифры в Excel выстраиваются в идеальные послушные ряды. Это даёт иллюзию контроля. Но иногда бумажная лавина накрывает с головой. Отчёты, дедлайны, претензии клиентов, служебки — они скапливаются на столе, обретая физическую, осязаемую массу. Я сижу в своей маленькой студии, смотрю на этот бумажный Эверест и задыхаюсь от нехватки кислорода. На отношения нет ни времени, ни сил: свидания кажутся такими же бессмысленными отчётами, только с комплиментами вместо kPl. “Может, когданибудь“, — думаю я, засыпая в три часа ночи в кресле перед ноутбуком. Взрослая жизнь оказалась просто завалом, из которого некуда бежать.

Вчера начальник свалил на меня годовой архив. Я притащила домой три картонные коробки, пахнущие сыростью и типографской краской. Сидела на полу среди разбросанных документов, пытаясь найти нужную форму, и машинально провела пальцем по корешку старой папки. На подушечке остался серый пушистый комок.

Городская пыль другая. Она пахнет не травой и навозом, а жжёной резиной, бетонной крошкой, чужими духами и усталостью. Я сжала комок в кулаке. Он был сухим и колючим. И тут меня словно ударило током.

Я так давно не была там. Ни разу не позвонила бабушке — всё работа да работа. Ни разу не спросила, как там Мурка. Я просто стёрла их, как стирают ластиком неудачную цифру, чтобы вписать новую, правильную. Я стала той самой взрослой, которая уехала и захлопнула за собой калитку.

Я медленно разжала ладонь. На ней лежал крошечный серый человечек — точь-в-точь такой, как тогда, только чуть плотнее. И мне показалось, или его пыльное тельце стало тяжелее. Имя всплыло само — так бывает с именами, которые придумываешь ты сама. — Ты же Пыльник, — сказала я. — Точнее, оригинал сейчас у бабушки.

Я встала, прошла на кухню, взяла самую красивую чашку — ту единственную, что осталась от сервиза, — налила туда немного воды и поставила на полку. Рядом осторожно посадила Пыльника.

— Сиди здесь, — тихо сказала я пустой квартире.

— Я скоро вернусь.

Впервые за три года я открыла сайт бронирования билетов. Не в Турцию, а в деревню. Утром выпросила у начальника короткий отпуск — после годового архива он был на редкость сговорчив. Позвонить бабушке не решилась: после десяти лет молчания легче ехать, чем набирать номер. И точно знала одно: мой Пыльник всё это время сидел на полке и ждал, пока создатель закончит свои отчёты.

Деревня встретила меня тем же запахом. Бабушка не изменилась: всё тот же выцветший платок, всё те же узловатые руки. Она всплеснула ими, обняла меня, и от её халата пахнуло сушёным чабрецом.

Я кивала в ответ на расспросы, сбросила рюкзак и сразу прошла в ту самую комнату. Полки серванта стояли на месте. Лак так же тускло поблёскивал. Но Пыльника на полке не было.

Я провела пальцем по краю. Никакой серой пушистой пыли — дерево было стерильно чистым.

— Баб, — позвала я, заглядывая наверх. — Ты не видела тут такого... пыльного человечка? Бабушка, возившаяся с чайником, замерла. — Нет, — её голос дрогнул. — А что ищешь, внучка?

— да так, — я заставила себя улыбнуться. [redacted]Одного друга.

И тут за окном что-то огромное заслонило полуденное солнце.

По стеклу скользнула серая бесформенная тень. Она не бежала и не кралась — она именно прошлась, медленно и тяжело, заставив дребезжать стекло в старой раме.

— Бабушка! — я отшатнулась от подоконника. [redacted]

Ты видела? Там кто-то был. Большой. Серый. Бабушка тут же оказалась рядом, её прохладная сухая ладонь легла мне на лоб.

— Ай, внученька, да ты не заболела ли? — в её голосе зазвучала неприкрытая тревога. — Сейчас чаю с чабрецом сделаю, полежишь. Я мотнула головой, отстраняясь. дело было не в температуре.

— Нет, я здорова. Там кто-то прошёл. Такой большой. Серый.

Бабушка лишь покачала головой, поджав губы, и пошла на кухню греметь чашками. Она мне не верила. Никто никогда не верит.

Что ж. Ладно.

Я смотрела на пустой край полки, где должен был сидеть мой Пыльник. Если Пыльника нет на месте, значит, он вышел в мир. А если серая тень за окном — не игра света, значит, он разозлился.

Это уже не возвращение. Это охота.

Я выскочила на крыльцо и обежала двор.

Пыльника нигде не было.

Воздух вдруг прорезали тяжёлые гулкие звуки: бам-м, бам-м. Кто-то размеренно бил по железу. — Аглая, ты чего? — окликнула меня бабушка от калитки. — Куда понеслась? Обед стынет. Я обернулась на голос. Это была бабушка. Она махнула рукой, как бы подзывая к себе, и я побежала к ней. Она ждала меня, позвала есть, и мы пошли в дом. И перед уходом что-то ледяное и невесомое тронуло меня за голую щиколотку.

Я резко обернулась. Но никого не было. Был лишь пустой двор, выцветший забор, грядки с укропом да покосившаяся скамейка.

Но была улика.

Я посмотрела под ноги. На сухой потрескавшейся земле, прямо у ножки скамейки, лежала маленькая серая горка пыли.

Во мне проснулся детектив.

Я упала на колени, бережно подцепила улику двумя пальцами и на мгновение сжала в кулаке. Он был, тёплым на ощупь.

— Аглая! — снова позвала бабушка. — Ну что ты там в пыли возишься? Иди руки мыть. — Иду, бабуль! — крикнула я, пряча кулак за спину.

Я поднялась, отряхнула колени, юркнула комок в карман джинсов и пошла к дому, ладонью прижимая карман с первым вещественным доказательством.

Глава 2 Сюрприз

Ела я плохо. Ковыряла вилкой остывшую картошку, а сама думала только о Пыльнике. — да что ж ты не ешь ничего? — вздохнула бабушка, подливая мне чай. — Как воробушек клюёшь.

Я молча разглядывала вчерашнюю улику, которую уже выложила из кармана на край стола. Нужно было докопаться до сути: это действительно его пыль? Или просто земля с улицы, поднятая ветром?

— У меня тут важное задание, — серьёзно сказала я, не поднимая глаз.

Бабушка посмотрела на мой сжатый кулак, потом на моё лицо и вдруг улыбнулась. Она видела перед собой не двадцатилетнего младшего аналитика, а ту самую десятилетнюю девочку, которая прятала под подушкой фантики. Она всё понимала. для неё это была просто игра.

Когда я через силу доела ужин, бабушка постелила мне на старой кушетке. Я улеглась, и она, как в детстве, подошла и натянула одеяло до самого подбородка.

— Ну ба, мне же жарко, — привычно запротестовала я.

Она тихо засмеялась, качая головой:

— В детстве ты так любила укутываться. Вся исчезнешь под периной, только нос торчит. — Любила, — согласилась я. — Но я уже выросла. Она кивнула, с лёгкой грустью улыбнувшись моей очевидной лжи, выключила лампу и ушла к себе.

Я осталась одна в темноте. Комната пахла сушёным чабрецом и старым деревом. С потолка доносился ровный, усыпляющий скрип сверчка. Я водила пальцем по шерстяным дорожкам на ковре: в детстве этот узор меня

завораживал — нити тянули за собой, уводили вглубь, заставляя мысли замедляться. Я не заметила, как провалилась в сон.

Утро началось с сюрприза.

На прикроватной тумбочке, рядом с салфеткой, лежал новый комок. Он был чуть крупнее вчерашнего и пах сухой травой. А на подоконнике, в луче солнца, темнело ещё одно

ПЯТНЫШКО.

Я подошла ближе. Цепочка серых точек вела от окна к столу, потом к тумбочке. Он не просто заходил в комнату — он наблюдал. Стоял здесь, пока я спала, и смотрел, как я дышу. А пятно на подоконнике было круглым и плотным — не пыльная дымка, а настоящий отпечаток, будто кто-то стоял тут и ждал.

“Пузатый, — подумала я. — Набрал массу“. — Ай, ерунда, — сказала я вслух, но сердце пропустило удар.

Бабушку звать я не стала. Вместо этого достала из рюкзака телефон: мне нужны были фотографии, настоящий протокол осмотра места. Если Пыльник начал оставлять следы, значит, охота перешла в активную фазу. Решение пришло само: поставить камеру. Раз он был у меня в комнате, значит, ему интересна

я. Логика простая: я сделаю вид, что сплю. Не буду его ловить — просто укроюсь одеялом с головой и буду ждать. А наутро посмотрю, что попало в кадр. План был безупречным. На улице я встретила кошку Мусю. Бабушка рассказывала, что Муся появилась в доме ещё котёнком — её принесли давным-давно, а теперь она старенькая, но до сих пор умудряется ловить мышей и дерзких воробьёв. Я люблю её. Погладила по жёсткой, пыльной спине и пошла дальше.

Кстати, я обожаю бабушкины яблоки — жёсткие, с кислой хрустящей мякотью. Сорвала два с дерева, сунула в карман и пошла гулять по тропинке вдоль забора. Из-за угла, рыча, вывернула соседская свора. Очередное деревенское приключение. Я взвизгнула и бросилась бежать, а следом за мной, задрав хвост трубой, откуда ни возьмись выскочила Муся.

Мы домчались до калитки и остановились. Я тяжело дышала, вжимаясь в забор. Собаки бесновались по ту сторону, захлёбываясь лаем. Муся выгнула спину и зашипела на них — зло, по-

взрослому.

И тут произошло странное. Собаки вдруг замолчали. Они перестали смотреть на меня и уставились куда-то мне за спину — на дом, на бабушкин палисадник. Я медленно обернулась. Там никого не было.

Поняв это, псы разом потеряли ко мне интерес, поджали хвосты и рысцой скрылись за углом. А Муся подбежала к чему-то на утоптанной земле у крыльца — обнюхала, а потом принялась тереться об это боком, как ласкаются о знакомого человека. Я подошла, чтобы погладить её, и замерла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.